

УДК 94 (477.54) «180/183»: [378.4.014.2+929 Каразин]

**В. Н. Каразин и «дело о ремесленниках»
(об истоках развития торгово-промышленного
Харькова, его культуры и благоустройства)**

Лапина М. С.

Lapina M. S. V. N Karazin and «A Case of Craftsmen» (The Origins of Trade and Industrial Kharkov, Culture and Accomplishment). The article analyzes the episode biography V. N. Karazin associated with the arrival in the early nineteenth century. in Kharkov, on his initiative, families of foreign artisans being created to serve the needs of Kharkov University. It is concluded that the arrival of artisans who have brought with them new kinds of crafts and products, will serve as a further impetus to the development of the city.

Keywords: V. N. Karazin, Kharkiv, Kharkov University.

Лапина М. С. В. Н. Каразин и «дело о ремесленниках» (Об истоках развития торгово-промышленного Харькова, его культуры и благоустройства). В статье анализируется эпизод биографии В. Н. Каразина, связанный с приездом в начале XIX в. в Харьков, по его инициативе, семей иностранных ремесленников для обслуживания нужд создающегося Харьковского университета. Сделан вывод, что приезд ремесленников, которые привнесли с собой новые ремесла и виды изделий, послужил своеобразным импульсом к дальнейшему развитию города

Ключевые слова: В. Н. Каразин, г. Харьков, Харьковский университет.

Лапіна М. С. В. Н. Каразін та «справа про ремісників» (Про витоки розвитку торгівельно-промислового Харкова, його культури та благоустрою). В статті аналізується епізод

біографії В. Н. Каразіна, пов'язаний із приїздом на початку ХІХ ст. до Харкова, за його ініціативою, сімей іноземних ремісників для обслуговування потреб новоствореного Харківського університету. Зроблено висновок, що приїзд ремісників, які привнесли нові ремесла та види виробів, став своєрідним імпульсом для подальшого розвитку міста.

Ключові слова: В. Н. Каразін, м. Харків, Харківський університет.

В историю отечественного просвещения Василий Назарович Каразин вошел как основатель первого на юге России университета. Просветитель, ученый, образованнейший человек своего времени, патриот, с обостренным чувством нового и взглядом в будущее, реализовал идею, которая овладела им всецело. Благодаря его инициативе и огромной энергии на юге России, вдали от российских столиц был учрежден университет. Преодолев множество трудностей, сопряженных с подготовкой университета к его открытию, В. Н. Каразин на взлете осуществления своих планов был отстранен высочайшим решением от университетских дел и отправлен в свое имение Кручик. Между тем, мотивы действий Каразина, повлекшие за собой столь суровое наказание, не остались только эпизодом биографии, но сказались на дальнейшем развитии города Харькова.

Одним из первых на данный вопрос обратил внимание Н. А. Лавровский. В своей работе «Василий Назарьевич Каразин и открытие Харьковского университета» [1], используя архивные документы университета, он подробно остановился на подготовительном этапе, когда все организационные и финансовые дела были препоручены Каразину (конец 1803 г. — март 1804 г.). С утверждением Устава университета все вопросы по его устройству перешли в ведение Правления, первое заседание которого состоялось 11 апреля 1804 г. Одним из первых обсуждался вопрос о целесообразности использования средств,

выделенных Министерством, и пожертвований «дворянством и гражданством губернии» для этих целей. Лавровский детально излагает ситуацию с финансами и претензии Правления к Каразину в преждевременном и нецелесообразном в данных условиях использовании части средств, имевшихся в его распоряжении. Н. А. Лавровский излагает суть дела, не касаясь мотивов действия Каразина, но объясняя допущенные нарушения своеобразием его характера. Фактически все сводилось к следующему: «Два распоряжения Каразина доставили университету много хлопот — покупка эстампов и найм ремесленников для университета» [1, с. 79]. Итак, отставка Каразина была обусловлена двумя причинами: покупка эстампов у Аделунга [См.: 2] и наем немецких ремесленников для обустройства университета. В предлагаемой работе речь пойдет о «деле ремесленников», нанятых Каразиним в Санкт-Петербурге, и о той роли, которую сыграл этот шаг в процессе преобразования Харькова в город губернского уровня, один из крупных промышленных городов России.

К возложенному на него делу В. Н. Каразин подошел масштабно. Он видел в университете центр просвещения, науки и культуры, который определит и будет стимулировать развитие всего региона, известного ранее как «Дикое поле». «Главным (если не единственным) предметом учреждения университета, — писал сам В. Н. Каразин, — было у меня благосостояние моей милой родины и полуденного края России» [5, с. 84].

Насколько сложной была задача, стоящая перед Каразиним, можно судить по тому, каким был Харьков, который следовало сделать университетским городом. Это был небольшой городок, затерянный в степях Слободской Украины, мало отличавшийся от других поселений — слобод и даже сел. Но изначально он был укреплен, и население его как города-крепости состояло из воинов и земледельцев. В начале XVIII в. здесь явственно проявляются черты и тенденции, присущие городу. Появляются ремесленники, люди, специально занимающиеся изготовлением предметов для насущных потребностей населения. Об этом можно судить по

переписи населения 1732 года: ткачи — 12 человек, швецы — 8, сапожники — 4, котляры (котельники) — 6, ковали — 4, резники (мясники) — 3, рымари (шорники) — 3, музыки — 3, скляры (стекольщики) — 3, шаповалы (шерстобиты) — 3; бондари, гончары, кравцы (портные), дегтяри — по 2 человека, кушнеры (овчинники), тесли (плотники), олейники (владельцы маслобоен), винники (владельцы винокурен), солодовники (владельцы солодовен), коцари (изготовители особых ковров) — по одному человеку [1, с. 229]. Всего 66 человек. Зато шинкарей с детьми мужского пола было 122 человека.

В расширении видов ремесел и промыслов в Харькове, а также в развитии торговли большую роль сыграли четыре ежегодные ярмарки. Наиболее известными, привлекающими много народа, были Успенская и Крещенская, менее известными по значимости считались Троицкая и Покровская. Уже в XVIII в. Харьков экономически выделяется среди других городов, как, например, Ахтырка, Валки, Изюм и др. Об этом достаточно убедительно показывают данные за 1794 год, отражающие занятость населения.

Постепенно Харьков стал городом ремесленников и промышленников, а также торговцев. И, тем не менее, он не потерял своего первоначального деревенского вида. «В 1798 году [т. е. за шесть лет до открытия университета — М. Л.] губернатор Теплов писал Сенату, что Харьков, кроме казенных каменных строений и разбросанных по городу некоторых дворянских и обывательских домов, «наполнен самым простым деревянным строением, по бедности обывателей большей частью с соломенными крышами, предместья же и отдаленные части не что иное суть, как дворы хлебопашцев» [3, т. 1, с. 22].

И в этом провинциальном захолустье В. Н. Каразин согласно своим планам должен был воплотить фантастически грандиозный проект будущего университета. По словам сына Ф. В. Каразина, Василий Назарович «предполагал устроить целый отдельный учебный, так сказать, городок; в середине сад с фонтанами, с четырех сторон строения: на фасадной стороне

три церкви — православная, католическая и лютеранская; на правой стороне учебные строения; на левой — жилища для студентов и профессоров, сообщающиеся с лекционными залами крытыми галереями; на задней — манеж, гимнастические залы и хозяйственные помещения. План всего этого был представлен в Министерство Народного Просвещения» [цит. по: 5, с. 72, Примеч. 4]. Этот комплекс университетских зданий намечалось возвести на территории, прилегающей к Сумской улице, где в дальнейшем был разбит Университетский сад (ныне парк им. Т. Г. Шевченко).

Эти планы получили отражение в разработанном им самим обстоятельном документе «Предначертание о Харьковском университете, представленное в Харькове полному дворянскому собранию 29 августа 1802 г. и послужившее основанием приговору оногo Собрания 1 сентября» [6, с. 523].

В «Предначертании» говорилось: «Университет будет принадлежать к числу высших училищ в Империи, назначаемых для приготовления юношества к общественным и государственным должностям посредством познаний, свойственных каждому» [6, с. 523]. Филадельф Васильевич Каразин, сын Василия Каразина, так характеризует это учебное заведение: «Университет отца был не школа, по немецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище» [4, с. 61]. Действительно, это должно было быть «всеучилище», как соединение различных отделений, как то: наук, искусств, военной, инженерной, духовной, а также, что следует особо отметить, низших профессиональных школ. Поражает размах и продуманность проекта, сделанного самим Каразиным. Вместо четырех отделений Каразин предполагал открыть девять: 1) общих познаний; 2) приятных искусств; 3) богословское; 4) гражданских познаний; 5) военных познаний; 6) врачебных познаний; 7) гражданских искусств; 8) отделение учености; 9) изящных искусств, а при нем — класс рисования. Сверх того из низших классов — училище сельского домоводства и школа ремесел и рукоделия. Иными словами, в числе названных отделений три

связаны с художественно-эстетическим образованием, как то: отделение приятных искусств, отделение гражданских искусств и изящных искусств, а также низшие школы ремесла и рукоделия.

Стало быть, на всех этапах университетского образования было предусмотрено и отводилось место художественному образованию. И вполне объяснимо, что в числе других учебных пособий для класса рисования В. Н. Каразин приобрел коллекцию гравюр, известную под названием «коллекции Аделунга». Она была куплена, так сказать, по случаю и по рекомендации весьма влиятельного лица, однако до утверждения Устава университета и его Правления. И когда все университетские дела перешли в руки Правления, его члены посчитали эту покупку преждевременной для начального этапа подготовки университета и отказались подтвердить целесообразность финансовых затрат по ее приобретению. В результате это стало одной из причин, как говорилось выше, для отстранения Каразина от университетских дел.

А решать многие вопросы надо было безотлагательно. Прежде всего, следовало подыскать каменное здание, соответствующее его новому назначению. Таковым оказался казенный губернаторский дом, переданный императором университету («Дворец»). Он представлял собой два смежных здания: большого – губернаторского, с двумя флигелями, и меньшего – вице-губернаторского. Губернатор Артаков, противившийся самой идее открытия университета, всячески затягивал передачу дома, и Каразину пришлось выхлопотать ему квартиру, нанятую на университетские деньги. Меньшее здание занимал вице-губернатор М. Наврозов, которому также был подыскан частный дом.

Оба здания, довольно запущенные и функционально непригодные в новых условиях, требовали перестройки, кирпичных и штукатурных работ. Внутренние помещения нуждались также в отделочных работах, соответствующей мебели и новой обстановке. Между тем, ни профессиональные навыки местных мастеров, ни их изделия не отвечали предъявляемым

новым требованиям. И это было существенной преградой для завершения работ к намеченному сроку открытия университета.

Кроме учебных помещений, следовало позаботиться и о квартирах для ректора и профессоров, которых предполагалось пригласить для вновь открывающегося университета. Вопрос этот стоял особенно остро, и им непосредственно занимался сам попечитель учебного округа граф С. О. Потоцкий. Часть профессоров пригласили из-за границы, как это было принято в то время, преимущественно немцев и французов. Таковыми были Ф. А. Делавинь, Я. М. Белен-де-Баллю, Ланг и др. Из отечественных ученых, по рекомендации Каразина, были приглашены известные каждый в своей области И. С. Рижский, И. Ф. Тимковский, Т. Ф. Осиповский. Они приехали в Харьковский университет еще до его открытия из Санкт-Петербурга или из Москвы.

Вновь прибывшим профессорам необходимо было по договоренности создать в первую очередь достойные условия проживания. Но это оказалось непростым делом. Так, например, Делявиню вместо обещанной меблированной квартиры для обстановки можно было дать лишь два кресла и два стула [5, с. 77]. И поскольку в Харькове не хватало ремесленников и мастеров для выполнения различного вида работ, необходимых для обустройства нового учебного заведения, то Каразин решил нанять и отправить значительную партию ремесленников из Петербурга. Кроме того, он считал, «что весь этот ремесленный люд понадобится многочисленному контингенту студентов и профессоров будущего университета» [4, с. 141].

Предпочтительность найма ремесленников в Петербурге Каразин мотивировал следующим образом: «... привоз мебели и других вещей, нужных для классов, библиотеки, физического и модельного кабинетов, лаборатории и типографии, которые могут быть сделаны здесь на месте самими ремесленниками, составил бы сумму, превосходящую их самих и сверх того был бы сопряжен с великими неудобствами» [4, с. 143-144]. Тем самым, по мнению Каразина, это поможет сберечь университетские

деньги и принести пользу Харькову. И сам С. О. Потоцкий «признавал вполне целесообразным предприятие Каразина о высылке художников» [4, с. 142].

Всего было отправлено Каразиним из Петербурга тридцать два мастеровых с семьями, немцев по происхождению, и издержано на них 12000 рублей. Из них около девяти тысяч, как предполагалось, будут погашены работой, а три тысячи выданы им безвозвратно.

Окружающая же действительность, казалось бы, давала мало веры и надежды, что столь прекраснородушные планы автора «Предначертания» воплотятся в жизнь. И главная трудность заключалась не только в том, как подготовить учебное здание университета и все сопутствующие вопросы к открытию. Немаловажную заботу для Каразина составило то, что современный ему Харьков, его население, устоявшийся уклад и состояние общей культуры никак не вязались с представлением об университетском городе. Д. И. Багaley пишет: «Но что особенно должно было поражать свежего человека, так это городское неблагоустройство... Это-то внешнее неблагообразие, простота патриархальной жизни, не тронутой почти никаким влиянием культурности, и должны были производить (в особенности на иностранцев) впечатление чего-то ультразахолустного, некультурного и неприветливого» [4, с. 14-15].

В. Н. Каразин прекрасно понимал, какие трудности ожидают ремесленников-иностранцев при переезде в далекий степной Харьков. И он стремился по мере возможности предусмотреть и облегчить их обустройство на новом месте. В письме А. М. Шишкину, своему доверенному лицу в хозяйственных делах по устройству университета, от 18 ноября 1803 г. он просит «удовлетворить художников», «показать им всевозможное пособие в нанятии квартир, и в первоначальном их продовольствии». В другом письме Шишкину Каразин повторяет просьбу: «успокоить их (художников) с дороги, снабдить съестным». И там же: «Вам известно, сколь важно не привести в уныние ремесленника, а посему воспомошествовать всеми

мерами» [5, с. 89-90].

Волновали В. Н. Каразина и финансовые вопросы, связанные с оплатой, причем весьма умеренной, по заказам университета. Предполагалось, что дополнительным источником дохода мастеров станет, так сказать, университетская община, в первую очередь, профессора. Но эти надежды не оправдались из-за малочисленного набора студентов. Приходилось уповать на то, что приехавшие ремесленники смогут найти заработок среди местных жителей, наиболее обеспеченной и образованной их части.

Для вновь открывающихся мастерских понадобились бы подсобные рабочие, а главное — по контракту мастер обязывался иметь учеников. Все это имело немаловажное значение для проблемы занятости городского населения и, в первую очередь, малоимущих горожан. «... Поселение в Харькове составляет верное пристанище и способ к жизни детям бедных мещан, которые выходя из уездных училищ, станут затрудняться в пропитании, и, быв отдан в мастерство, они не только сберегутся от нищеты и разврата, но и послужат со временем на пользу сего края, весьма скудного со стороны искусств и рукоделия» [4, с. 144].

Приезд в Харьков одновременно большой группы иностранцев, призванных для выполнения разнообразных видов работы по устройству нового учебного заведения под названием университет, не могло не сказаться на жизни города. Местное население отнеслось к приезжим миролюбиво и доброжелательно, поскольку это были понятные люди труда. Вместе с тем, они же были выходцами из другого, далекого мира, отличавшиеся трудовыми навыками, потребностями и привычками в быту, одежде и во взаимоотношениях, принадлежащих к другому вероисповеданию. «...Выписка сих людей принесла удовольствие жителям г. Харькова», иными словами, их встретили не враждебно, как иноземцев, но с пониманием выгод, которые принесет их приезд, и это опосредствованно скажется

на благорасположении жителей к такому новшеству, как университет [4, с. 144].

«Законтрактованы были В. Н. Каразиным следующие лица: столяр Блюме, медник Вестман, слесарь Тропнер, токарь Бернсдорф, жестянник Торшинский, горшечник Гормес, бронзовщик Маркович, чулочный фабрикант Цейль, кожевник Генгрос, бронзовщик Викфорс, ножевщик Отман, шляпники Алгрэн и Зундвист, ткач Кретце, сапожник Шмит, медник-чеканщик Спенман, оловянщик Тойня, стекольник Спонеда, столяр Дребольд, седельники или обойщики Даман и Эбель, мастера экипажей и столяры Вольф и Тегер, кузнецы Лоренс и Петерсен, сапожник Сергеев, садовник Строваль, типографщик Гекке, переплетчик Вегге, два булочника; всего 32 человека» [4, с. 151].

Из этого перечня специалистов можно заключить, что В. Н. Каразин заботился не только о насущных нуждах университета, но и радел обо всем городе, его преобразовании, о приобщении жителей Харькова к устоявшемуся уже характеру и стилю, присущих городской жизни как за границей, так и в российских столицах и других промышленно-торговых городах.

С каждым из приехавших ремесленников поименно В. Н. Каразиним были заключены договоры, датируемые 8-15 числами октября 1803 года. Большая часть этих документов, написанных в дубликатах на русском и немецком языках, дошла до нашего времени. В качестве шаблона можно привести следующий образец: «1803 г. октябрь 6 дня. Ниже подписавшийся иностранец, бронзовый мастер Август Маркович, заключил я с господином коллежским советником Каразиным следующий договор: я, Маркович, обязываюсь ехать в город Харьков для работы там в пользу учреждаемого Императорского Университета, когда оный от меня что требовать будет по данным мне рисункам, всякие вещи из металлов, как те, которые по отливке следуют к отделяванию пилою, или следуют к чеканке из листов, так и те, которые обрабатываются на токарном станке. <...> деньги <...> Оные деньги должен я мало-по-малу

отработать. Оставаясь под защитой упомянутого Харьковского Университета, не имею я относительно до него другой обязанности, кроме 1-е, что все работы оного должен брать предпочтительно пред прочими и за умеренную плату, и 2-е, что я от него принимаю двух молодых людей для совершенного обучения моему мастерству, которые до того времени при мне и останутся. В Харькове должен я вести себя добропорядочно; в прочем я имею право возвратиться в Санкт-Петербург, коль скоро упомянутые выше взятые мною деньги на обзаведение отработаю или заплачу наличными... 150 руб. получил. Еще на покупку инструментов 50 т.е. 200 руб.» [8, л. 8].

Обращает на себя внимание обстоятельство договора, где четко определены виды работ, причем, со стороны заказчика, т.е. Каразина, проявляется полное знание предмета, так как оговариваются возможные варианты использования сырья и технологический процесс. В финансовом вопросе основным является выполнение первоочередно университетских заказов, но принимается во внимание и побочный заработок, из чего видно, что Каразин уже загодя предвидел спрос на работы мастеров такого класса. Наконец, что имело особое значение в перспективе для хозяйственной жизни города и Слобожанщины, — это требование обязательно иметь учеников «... для совершенного обучения... мастерству». В данном случае речь шла о двух учениках, но возможно было обучение одного и более. Итак, на будущее Харьков обеспечивался своими высококлассными мастерами в разных ремеслах.

Для университета первоочередными задачами были вопросы строительства, для чего и приглашены были стекольщик, слесарь, токарь и, главное, шесть столяров, специализирующихся в различных видах этого ремесла. Особенно искусным в столярном деле считался Блюм (Blüme), имевший, по-видимому, много частных заказов. Его имя прославил один из первых выпускников (1808 г.) словесного отделения Харьковского университета Аким Николаевич Нахимов. В своем шуточном стихотворении «На получение кандидатского достоинства» он патетически

обращается к упомянутому столяру, называя его правнуком Дедала, легендарного древнегреческого строителя и художника, считавшегося основателем столярного мастерства, изобретателем рубанка, отвеса, клея и пр., строителя Лабиринта, отца Икара [9, с. 95].

Кроме упомянутого Блюма, прибыли столяр Дребольд, а также Вольф и Тегер. Последние считались мастерами по изготовлению экипажей. И это было весьма симптоматично: в планах Каразина Харьков должен был территориально разрастаться, а стало быть, понадобятся различные виды карет, колясок, дрожек и т.п. Два других столяра, Даман и Эбель, являлись специалистами «малых форм»: они занимались мебелью, ее обивкой и изготовлением седел.

Специалисты по металлу были представлены широким спектром, а именно: кузнец, жестянщик, медник, ножовщик, токарь. Тонкую и художественную работу по металлу знали бронзовщик, оловянщик, чеканщик по меди. Их изделия предназначались не только для университета, но по своему разнообразию и художественным достоинствам, как предполагалось, могли и должны были найти покупателей среди зажиточных горожан, местных помещиков и др. Все это направлено было для воспитания художественного вкуса.

Каразин всеми средствами стремился преобразить провинциальный, полудеревенский город Харьков, привнести в его внешний облик и внутреннюю жизнь черты обустроенного, с соответствующими тенденциями в развитии города интересами и требованиями. Отсюда среди приглашенных из Петербурга столичных мастеров такие как шляпник, ткач, чулочный фабрикант и сапожники, из которых один был немец Шмидт, а другой – русский, Григорий Сергеев со своим учеником Семеном Жиленко.

Не случайно в числе приехавших в Харьков оказались и два булочника. Предполагалось, что они откроют пекарни, а при них лавки для продажи хлебных изделий из пшеничной муки. Эти булки, круглой или овальной формы известны были как

хлебцы особого немецкого печения, а также крендели, сухари и др. Предназначались они не только для приехавших бюргеров, но получили широкое признание среди населения (ср. позже французские булки и др.).

Новшества, вошедшие в харьковскую жизнь с приездом немецких мастеров — «художников», были вполне благосклонно приняты населением. А для высших слоев населения это стало вождеденным приобщением к быту, стилю, культуре столичных городов. Возможность здесь, далеко, как казалось, от фантастически блестящей жизни столиц воспользоваться услугами и предметами работы искусных мастеров воспринималась как близкая реальность. О настроении, господствовавшем в харьковском бомонде, Д. И. Багалея писал следующее: «...нове, слободсько-українське дворянство хтіло відрізнитися од народа й охоче купувало на ярмарках усякі заґрянничні та московські товари, щоб зробити свій домашній побут на манір побуту російського дворянства; за дворянством слідкували й інші заможні стани — чиновники, офіцери, купці, міщане, духовенство, особливо таких городів, як Харків та Суми...» [10, с. 140].

Предметом особой заботы Каразина была типография, столь необходимая университету в первую очередь. Перевозить такое сложное хозяйство из Санкт-Петербурга было невыгодно и рискованно. Понадобился бы обоз из 10 фур, но главное, что все сложное оборудование с многочисленными металлическими и деревянными деталями при переезде фактически по бездорожью превратилось бы в «негодную дрянь». Типографию надо было создавать на месте, и для этого был выделен отдельный флигель.

Для создания типографии прибыли в начале 1804 г. Гек, типографщик, и для словолития — «Дреир, оба иностранцы. Первому было назначено по 500 рублей жалованья, а второму — по 300, весьма немалые деньги по тем временам. Они привезли с собой новые принадлежности для типографии, как то: печатные станки, станки, реаламы, наборные линейки, молоты,

железные и медные, котлы, винты, подсвечники и т.п. Русские литеры предусмотрено было изготовлять на месте, в Харькове, а изготовление греческих и латинских шрифтов заказали лейпцигским словолитчикам Гербелю и Брейткопфу.

В число специалистов по печатанию включен был и переплетчик Ведде. В его обязанности входило переплетать не только вновь изданные книги, но и ранее купленные и привезенные в Харьков из других городов или купленные на ярмарках и др. По большей части они находились в листах и без реестра. По мнению Каразина, книги, имевшие хождение в Харькове и в общем пользовании, представляли библиографическую ценность. За всю работу выделялось 250 рублей жалованья, квартира и 20% стоимости переплетного материала. При подготовке типографии к работе могли быть привлечены также специалисты по металлу, дереву и другие. Для выполнения столь большого объема работ были наняты рабочие, которые приобщались к новой, не имевшей до того в Харькове приложения, специальности.

Необходимость открытия типографии в Харькове для Каразина была очевидна. В частности, он писал: «... мысли тамошнего купечества обращены с выгодой на полуденную торговлю, переведено с чужих языков до 15 книг разного рода, приспособленных к общенародным пользам края того, которые и ждут только харьковской типографии для своего издания в свет...» [5, с. 101]. А с ростом и развитием города он считал, что количество таковых типографий уже в недалеком будущем увеличится до двадцати.

Сопутствующим нововведением стало и появление книжных лавок. Предложение открыть таковую принадлежало книгопродавцу из Санкт-Петербурга Цимсену. Об этом имеется запись в журнале комитета Правления по делам Харьковского университета от 1 февраля 1805 г. под № 1. В ней говорится, что согласно двум запискам, поданным в данный комитет, и устным объяснениям книгопродавец Цимсен высказывает «желание...

завести в Харькове иноязычную книжную лавку». В связи с этим было принято решение, что он заведет здесь «своим иждивением не позже 4-х месяцев... книжную лавку, в которой бы для продажи находились главные по университетским и гимназическим наукам употребительные иностранные книги и другие учебные пособия...» [4, с. 418]. Так закладывались в Харькове основы книгопечатания и издательской деятельности как непременные предпосылки развития просвещения и культуры в городе и во всем регионе.

Между тем, как покупка коллекции эстампов, так и наем «художников» в Петербурге обернулись для Каразина большой бедой. Связано это было с непредусмотренными финансовыми затратами министерства, а также тех, которые состояли из пожертвований дворянства и жителей Харькова на устройство университета. Все это получило широкий резонанс, стало известно Александру I. Каразин окончательно впал в немилость, был отправлен в отставку, правда, в звании статского советника, но полностью отстранен от университетских дел. Последнее было особенно тяжело для Каразина.

Финансовые проблемы были решены согласно царскому распоряжению. Но с мастерами дело обстояло труднее, так как часть из них оказалась ненужной университету, и главной причиной был вопрос об оплате их работы. «Комитет (Правление университета) старается отклонить от себя и заведование мастерскими, как людьми, для университета совершенно ненужными» [1, с. 96]. Дело стало набирать обороты. 21 ноября попечитель предложил комитету «передать ремесленников помещикам для заведения фабрик» [1, с. 96]. Но, видимо, эта идея была преждевременной и, так сказать, не по адресу. Расчет на участие дворян не оправдался. «24-го июня 1801 г. правление отмечало, что все мастерские отданы в ведение городской полиции и что университету нету до них никакого дела» [1, с. 97].

Как сложилась судьба отдельных ремесленников-немцев, проследить непросто, хотя имеется полный список имен всех

приехавших в Харьков. Большинство же прочно обосновалось в городе, и свидетельством тому является Немецкая улица. «Улица появилась в начале XIX века, – пишет Н. Т. Дьяченко, – когда городская дума в 1805 году отвела здесь землю для заселения 23 (!) семьям иностранных мастеров ремесленных цехов, выписанных основателем Харьковского университета В. Н. Каразиным из-за границы. Поселившиеся здесь иностранцы положили основание ремесленной немецкой колонии, а возникшая улица получила название Немецкой, ... торговых и ремесленных заведений здесь почти не было» [13, с. 212]. Вполне возможно, что здесь жили и профессора, приглашенные из Германии. И только в столетнюю годовщину со дня рождения великого русского поэта улица была названа его именем и стала называться Пушкинской. В конце ее, фактически за городской чертой, находилось Лютеранское кладбище, теперь 2-е городское.

«Дело о ремесленниках», имевшее для В. Н. Каразина столь драматические последствия, оказалось судьбоносным для Харькова. В городе открылось много новых мастерских, а для них потребовалось много подсобных рабочих, подмастерьев и, что особенно важно, появились ученики, постигавшие основы разнообразных ремесел. Выходцы преимущественно из мещанской среды, они постепенно выделялись в новую, самостоятельную сословную прослойку, которой предстояло занять одно из ведущих мест в харьковском социуме. С расширением производства ремесленных изделий развивалась торговля, крепло купечество. Город разрастался, менялся его внешний вид, благоустройство. Жизнь становилась разнообразней и динамичней.

Оглядываясь на путь, пройденный Харьковом от маленького городка, «неприветливого, негостеприимного» [1, с. 166] в начале XIX века, по-иному воспринимается такое, казалось бы, малозначительное событие как приезд трех десятков иностранных мастеров, присланных В. Н. Каразиным для обустройства университета. Они привезли в Харьков новые ремесла и виды изделий, обучили новым приемам и способам

работы, организации и культуры труда, внесли в патриархально-устоявшуюся жизнь степного, полугосподарского города неизвестный дотоле быт и стиль повседневной городской жизни, отличавшие города Европы и северную российскую столицу. «Ему, Каразину, — писал Г. П. Данилевский, — обязаны мы большей частью началами европейского быта на Украине» [12, с. 129].

В далекое прошлое ушли события и имена людей, стоявших у истоков зарождения Харькова как главного губернского города, выделившегося своим стремительным ростом. Большую роль сыграло строительство Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, ставшей важнейшей артерией на юге России. Отныне Харьков был напрямую связан с Москвой и Санкт-Петербургом, что послужило импульсом для интенсивного его развития в последней трети XIX века как крупного торгово-промышленного центра, университетского города науки и культуры.

Слова В. Н. Каразина: «Харьков процветет в самое короткое время» — становились реальностью. Для осуществления своей мечты — надежды Каразин отдал свой талант, труд, силы, любовь к родному краю.

В эпитафии, начертанной на надгробном камне В. Н. Каразина, упомянуты многие заслуги и достоинства этого выдающегося человека своего времени, и в свете сказанного выше исполнены глубокого смысла слова: «... водворитель цветущей торговли и благосостояния граждан в городе Харькове».

Примечания

1. *Лавровский Н. А.* Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского университета / Н. А. Лавровский // ЖМНП. — 1872. — № 1.
2. *Лапина М. С.* «Коллекция Аделунга» и В. Н. Каразин / М. С. Лапина // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — Серія: Історія. — Х., 2000. — Вип. 32.
3. *Багалея Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (1655—1905) / Д. И. Багалея, Д. П. Миллер. — Х., 2004.

4. *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) / Д. И. Багалей. — Х., 1893—1898. — Т. 1.: (1802—1815 г.).
5. *Тихий Н.* Василий Назарович Каразин. Его жизнь и общественная деятельность / Н. Тихий. — К., 1905.
6. *Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем.* — Х., 1910.
7. *Учебные общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905)* / Под ред. Д. И. Багаля и И. П. Осипова. — Х., 1905.
8. *Каразін В. Н.* Договори, укладені з мастерами та ін. особами, які згодилися працювати в Харківському університеті. — 1803 / Рукопис копії рос. і нім. мовами // Архів інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАНУ. — Ф. 37. — Спр. 631 (копії архівних документів надані С. І. Посоховим).
9. *Сочинения А. Н. Нахимова.* — СПб., 1849.
10. *Багалій Д. І.* Історія Слобідської України / Д. І. Багалій. — Х., 1993.
11. *Виписки з архівних матеріалів до історії м. Харкова (XVII, XVIII, XX, XIX ст.), рукоп. 259 арк.* / Журнал комітета Правління по делам Харьковского университета // Архів інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАНУ. — Ф. 37. — Спр. 360 (копії архівних документів надані С. І. Посоховим).
12. *Данилевский Г. П.* Украинская старина / Г. П. Данилевский // Материалы для истории украинской литературы и народного образования. — Х., 1866.
13. *Дьяченко Н. Т.* Улицы и площади Харькова / Н. Т. Дьяченко. — Х., 1966.